

О КАЗАКАХ ПОМНИЛИ ВСЕГДА

Владимир БАКАНОВ

(Окончание.)

Начало в № 85-86).

Через полтора месяца Оренбург провожал 1300 бойцов-добровольцев, первыми откликнувшихся на зов прославленного казачьего командира. А еще через полмесяца с фронта на Урал полетели телеграммы о блестящих победах казачьей кавгруппы над бело-гвардейцами Деникина и Врангеля в преддверии Крыма.

Следующий возврат памяти к казачеству отмечен концом 1937 года. Магнитогорский поэт Василий Макаров неожиданно опубликовал 6 августа в газете «Магнитогорский рабочий» стихотворение под броским заголовком «Казачья песня».

С именем Василия Макарова связано создание в Магнитогорске 1 октября 1930 года объединения начинающих пролетарских писателей Магнитострой и издание литературно-художественного журнала «Буксир». Призывая пишущую молодежь в объединение, он выдвинул лозунг: «За Магнитострой в литературе». Это призыв в литературу состоялся и был отмечен потом яркими именами прозаиков и поэтов.

Неспокойно было на обширных границах Советского Союза в конце 30-х годов. Они «испытывались на прочность» наскоками многочисленных диверсионных групп и отрядов. Не скрывали своих агрессивных намерений Япония — на Дальнем Востоке и Финляндия — на Северо-Западе; в Европе вовсю гулял итальянский и германский фашизм.

Граница становится «героем дня». О ней поют, пишут стихи, снимают фильмы. Выразил свои чувства к ней и магнитогорский поэт. Какими-то душевными, глубинными ходами он вспомнил о казаках, когда-то охранявших рубежи России здесь, у горы Магнитной. Вспомнил, когда казачество распалось как сословие и растворилось в общей крестьянской массе, когда за ним, за казачеством, пристально следили бдительные органы, когда из памяти и сознания людей вытравливалось само слово **КАЗАК**. И вдруг поэт обращается к казакам: «Оседлай коня степного, верного коня!»

За долгие годы это стихотворение забыто, а большинству магнитогорцев не знакомо вообще. Поэтому приведу его в том виде, в каком оно увидело свет на страницах газеты:

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Слышишь, ветер тянет запах,
Близится гроза?!
На Восток взгляни, на Запад
С мужеством, казак!
Будет много, видно, снова
Грома и огня,
Оседлай, казак, степного,
Верного коня!
Знал Урал не эти грозы,
Не такую биль.
Пели ветры и березы,
И шумел ковыль.
Вспомни, вспомни, как, бывало,
В битвах под свинцом
Слыл ты славным запевалой
И лихим бойцом.
Потому пред битвой новой,
Удалью звеня,
Оседлай коня степного,
Верного коня.
Ветер к нам доносит запах,
Близится гроза.
На Восток взгляни, на Запад
С мужеством, казак!
Чтобы враг в тумане мгlistом
К нам пройти не мог,
Чтоб закрыть кругом границы
На стальной замок.

Кто знает, может быть, и эту песню — память о казачестве — припомнили В. Макарову, когда дали его по камерам и по этапам, когда расстреливали?..

Началась Великая Отечественная. Враг рвется к Ленинграду, Москве, Сталинграду. Материальные и духовные силы страны и народа напряжены до предела. Тогда-то вновь «вспомнили» о казачестве. Конечно, о нем помнили и перед началом войны, когда формировали кавалерийские дивизии

на Дону, Кубани, на Урале, костяком которых были казаки.

Но тут особый случай. В начале 1942 года инспектор кавалерии Красной Армии Генерал-полковник Городовиков Ока Иванович, герой гражданской войны, решил создать в Челябинской области казачью дивизию народного ополчения. Скорее всего это был эксперимент.

2-го марта 1942 года в Челябинск прибывает посланец Городовикова полковник Молоков. Экстренное заседание бюро обкома партии определяет состав дивизии, ее численность, штаб, места формирования частей и подразделений, порядок материального обеспечения, оснащения оружием и конским составом, утверждается «Положение о комплектовании дивизии».

Уже в конце марта Молоков шлет Городовикову докладную записку о ходе комплектования полков и мерах, принимаемых партийными и советскими органами области.

Планами и положением предусматривалось создание в рамках дивизии двух бригад и шести полков, по три полка в бригаде. Первая бригада размещалась в Челябинске, а вторая в Верхнеуральске.

Верхнеуральскую бригаду должны были составить полки: Троицкий, Верхнеуральский и 6-й Магнитогорский. Командиром Магнитогорского полка назначается Петров Мартимьян Кондратьевич, 1903 года рождения, заместитель начальника УКХ треста «Магнитострой»; начальником штаба полка стал Голубенко Георгий Александрович, директор гастронома; комиссаром — Бобылев Федор Георгиевич, секретарь парторганизации 1-го стройуправления.

Формирование полков проводилось на добровольной основе из мужчин от 17 до 65 лет «не подлежащих мобилизации, но способных носить оружие и выполнять боевые задачи». Доброволец подавал заявление в первичную партийную организацию по месту работы, а где такой не было — в местный Совет. При положительном рассмотрении заявления доброволец становился бойцом конкретного взвода и сотни. Жил он дома, но был в готовности встать в строй по первому условному сигналу или вызову. От основной работы доброволец не освобождался.

В полку насчитывалось всех бойцов и командиров 918 человек. К маю 1942 года в Магнитогорский полк было зачислено 185 человек, а подано 230 заявлений. Полк формировали не только Магнитогорск, но и соседние районы: Агаповский, Кизильский, Полтавский, Брединский и Варненский. Обеспечение подразделений конским составом было за предприятиями, в которых работали добровольцы.

Формирование дивизии шло трудно. Все материальные и людские ресурсы области, как и конское поголовье, отданы фронту, а те крохи, что оставались в тылу, работали на обеспечение того же фронта.

... К концу апреля 1942 года победой завершилась битва под Москвой. Это был великий праздник советского народа, первый вздох развернутой грудью. Тогда-то, наверное, и подумалось военным и партийным верхам: стоит ли заниматься казачьим ополчением?..

Командование Красной Армии и обком партии решают «мягко» свернуть формирование дивизии, передав ее Осоавиахимю (общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, позднее — ДОСААФ, а ныне МЦПАР — Ирбис — муниципальный центр подготовки армейского резерва).

11 мая 1942 года зам. командира 6-го Магнитогорского пол-

ка Гончаров и комиссар Бобылев в присутствии инструктора военного отдела горкома партии Волькина передали списки бойцов и командиров, а также делопроизводство полка председателю городского совета Осоавиахима Бралгину и начальнику стрелкового клуба Решетникову. Было тогда в полку 15 командиров и 170 бойцов.

Какое-то время полки и дивизии состояли в номенклатуре общественных организаций области. Областной совет Осоавиахима даже требовал от своих первичных организаций обучать бойцов, «так как при первой необходимости формирование казачьей кавалерийской дивизии будет возобновлено». Для этой цели на местах предпринимались попытки выделения обществу лошадей. Магнитогорский горисполком, например, выделил совету общества 17 июня 1942 года 24 лошади и столько же седел.

Через год Осоавиахим «забывает» о дивизии, но создает в своем ведении кавалерийские клубы. Один такой клуб постановлением облсовета общества от 30 июня 1943 года предусматривался в Троицке. Ему ставилась задача: «... Приступить к формированию кавалерийских подразделений и обучить в течение 1943 года 300 человек кавалеристов из мужчин допризывного возраста».

Это было только благое намерение, движение по инерции, поскольку еще в отчете общества по оборонно-массовой работе за 1942 год его председатель писал: «Подготовка массовых кавалерийских кадров в условиях области тоже нереальна, что показал опыт организации кавалерийской казачьей дивизии, которая, не закончив программу, была расформирована. Причина этого главным образом в трудности обеспечения конским составом».

Вот такой прискорбный вывод сделал председатель областного общества подготовки кадров для армии. И произошло это на территории, где совсем недавно располагалось третье по численности казачье войско России. Впереди Оренбургского врыска стояли только Донское и Кубанское. А какой мотив: «Для дивизии не нашлось лошадей». Когда-то в большинстве казачьих подворий было по две, три строевых лошади, не считая рабочих.

С 1989 года началось возрождение российского казачества из тех «остатков», которые еще не обратились в прах и не подернулись «пеплом забвения». Возрождение, как и формирование казачьей дивизии тогда, в 1942-1943 годах, поставлено на государственную основу. Несмотря на это, идет оно очень трудно, с ослепками и задышками. Все же, если настальгические возвраты и обращения к казачеству в недалеком прошлом можно сравнить с накатами морских волн, то сегодня «штурм» океан: накатывается «девятый вал». Только бы он не разбился о «скалы» равнодушия и открытой антипатии.

Пора бы российскому казачеству вздохнуть полной грудью!

70-ЛЕТИЮ МАГНИТКИ

СОЛДАТСКАЯ ИСТОРИЯ

Юрий ФУНК

В ОКОПАХ ПОДО МТОЙ

Капитан Иван Сергеевич Смелков, командир 7-й роты 994-го стрелкового полка, был убит немецким снайпером.

Мне по долгу службы приходилось часто посещать окопы полка, и как раз гибель капитана произошла на моих глазах.

Я с собой обычно всегда брал санитару Пимена Кирилловича Ерофеева, в прошлом служащего одного из заповедников сибирской тайги, на редкость меткого стрелка. До сих пор помнится его крепкая фигура, суровое волевое лицо.

Командование ему предложило стать снайпером. Он ответил: — Я добрый христианин, не могу убивать людей.

Ерофеева назначили в мою медико-санитарную роту полка санитаром.

В окопе все затихло после смерти командира. Тишина воцарилась,

Руденко восхитился мужеством бывшего вора. Дал наган и 100 граммов, только без палла.

Вот и попольз по-пластунски к немецкому окопу солдат русской армии Василий Бадьев. Вся рота за ним следила, кто крестился, кто шептал вслед ободряющие слова. Как вдруг — автоматная очередь из немецкого окопа и дикий крик Бадьева. Вскоре призывы о помощи:

— Ребята, помогите... Спина перебитая. Не могу домой!

Но кто поможет! Все молчат, поднимают: сейчас, днем, вытаскивать — верная смерть. Бадьев, видно, и сам это понял и, представьте, запел такую песню:

— Залез в тюрьме я ни сидел, не было времени, чтобы не пел. Заложу я руки в брюки и хожу, пою от скуки: что же делать, коли сел... Тишина у нас в окопе взорвалась

как на кладбище. Солдаты даже курить перестали. И только один — ординарец Смелкова Вася Бадьев, небольшого роста паренек, худой и подвижный — не смог остаться недвижимым. Подходил не раз к бойцам и все говорил:

— Век свободы не видать... уберу фрайера.

Наконец, дождавшись вступления старшего лейтенанта Руденко в должность нового командира, обратился к нему с просьбой сходить в поиск к немецким окопам, найти снайпера и убить его.

Руденко удивился: — Что ты, Вася, ошалел, светло ведь. До немецкого окопа 200 метров. Поверхность, правда, вся в ямах от разрывов мин и снарядов. Застрелят ведь фашисты!

— Ты, командир, дай мне только «собачью ногу», ну наган по-вашему, и 100 граммов «пляски смерти» дай выпить, то есть водки, смешанной с пеплом папирос, — не унился Бадьев, прося разрешения на поиск.

— Чудно, как ты говоришь... из блатных, что ли? — спросил Руденко.

— Был. Выгнали меня из «воров в законе» за то, что я добровольцем воевал с этими фашистами пошел.

смахом. Все от мала до велика заговорили, засмеялись. Но я-то понимал: бравада у раненого сквозит слезы — истечет кровью и умрет. Спасать надо храбреца. Надо!

— Пимен Кириллович, парень погибает. Я сейчас сам полезу за ним, — говорю я Ерофееву.

Тот отвечает без всякой субординации:

— Не говори глупости, командир. Тебе не на брюхе ползать, а пульс считать. Вот начнет темнеть, сам слезаю за ним.

Пришлось подчиниться солдату. Выждали час-другой. А солдат Василий Бадьев замолк что-то. Темнеть начало. С Ладоги наполоз туман. Он стался по земле, тянулся вверх, густой и плотный. Пимен Кириллович перекрестился широким крестом по православному обычаю. Мы обнялись и трижды поцеловались.

Он полез в туман, в ночь. Больше я ни его, ни Бадьева не видел. К рассвету ближе старший лейтенант Руденко послал двух бойцов из роты. Искали пропавших солдат долго, вернулись ни с чем.

Храбрецы пропали без вести! Теперь мне часто вспоминаются добрые, достойные люди, которых сейчас мало. Среди них — офицер Смелков, рядовые Ерофеев и Бадьев. Хорошие они были солдаты!